

Центр дослідження юдаїзму МГО «Молодіжна асоціація релігієзнавців»
Міждисциплінарна сертифікатна програма з юдаїки НАУКМА
Державний історико-архітектурний заповідник «Стара Умань»

ЮДАЇЗМ: ДОСЛІДЖЕННЯ ІСТОРІЇ ТА ВІРОВЧЕННЯ

Матеріали
Міжнародної молодіжної
релігієзнавчої школи з юдаїки
(6-18 липня 2010, Київ-Умань)

Наукові редактори:
Анна Марія Басаурі Зюзіна,
Віталій Черноіваненко

Київ 2011

УДК 296 (082)

ББК 86.3я43

Міжнародна молодіжна релігієзнавча школа з юдаїки
проходила за сприяння:

*Нідерландського єврейського гуманітарного фонду
Державного комітету України у справах національностей та релігії
Інституту філософської освіти та науки НПУ ім. М.П. Драгоманова
Кафедри релігієзнавства філософського факультету КНУ ім. Тараса Шевченка
Представництва «Мідрешет Єрушалаїм» в Україні
Посольства Держави Ізраїль в Україні
Асоціації єврейських організацій та громад України «Ваад України»
Євразійського єврейського конгресу
Уманського державного педагогічного університету
Товариства «Ізраїль і Біблія*

Юдаїзм: дослідження історії та віровчення.. Матеріали Міжнародної молодіжної релігієзнавчої школи з юдаїки / Наук. ред. А.М. Басаури Зюзіна, В.В. Черноіваненко. – К., 2011. - 256 с.

Збірник статей викладачів та конкурсних робіт учасників Міжнародної молодіжної релігієзнавчої школи з юдаїки, яка проходила 6-18 липня 2010 року у Києві та Умані. Видання розраховано на широке коло читачів, які цікавляться науковим дослідженням юдаїки, історії та сучасності юдаїзму тощо.

© автори статей, 2011

© МГО «Молодіжна асоціація релігієзнавців», 2011

ЗМІСТ

Передмова	5
Історія та теорія дослідження юдаїзму	
1 <i>Басаурі Зюзіна Анна Марія</i> , Перший період дослідження юдаїзму: Wissenschaft des Judentums	8
2 <i>Кисельов Олег</i> , Соціологія юдаїзму	17
Дослідження єврейських текстів	
3 <i>Цолин Дмитрій</i> , Еврейская литература эпохи поздней античности (обзорная лекция)	28
4 <i>Черноіваненко Віталій</i> , Сучасна кумраністика: Проблеми, концепції та історіографія	53
5 <i>Гордеев Алексей</i> , Канонический критицизм книг Мудрости: новые горизонты в герменевтике	69
Філософія юдаїзму	
6 <i>Дымерец Ростислав</i> , Философия иудаизма	83
7 <i>Дымерец Ростислав</i> , Холокост и еврейская религиозная философия	92
8 <i>Хромец Ирина</i> , Еврейская философия после М. Хайдеггера: Э. Левинас и Х. Йонас	101
9 <i>Білоножко Євген</i> , Творення єврейської національності, як прояв релігійності	109
Юдейське віровчення	
10 <i>Кузєв Валерій</i> , Розвиток демонологічних вірувань постбіблійного юдаїзму	118
11 <i>Юрченко Віталій</i> , Віра Йова і проблема зла	127
12 <i>Фуркало Вікторія</i> , Хасидизм рабби Нахмана из Брацлава	137

ЕВРЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОСЛЕ М. ХАЙДЕГГЕРА: Э. ЛЕВИНАС И Х. ЙОНАС

Почему идея об аутентичности человеческого бытия оставляет человека без морального ориентира? Эта проблема лежит в основании постхайдеггеровской еврейской философии и получает своё наиболее глубокое рассмотрение в работах Эммануэля Левинаса и Ханса Йонаса. В статье рассматриваются основные моменты воззрений двух философов, влияние Мартина Хайдеггера на эти воззрения, а также решения, предлагаемые к рассмотрению еврейскими мыслителями.

Оценка философского наследия Мартина Хайдеггера (1889-1976) позволяет назвать его одним из величайших философов XX века, и не только потому, что он представляет проект критики метафизики, направленной на переосмысление всей философской традиции, но и потому, что его влияние на самые различные области философии сложно переоценить, и еврейская философия не является исключением. Эммануэль Левинас, Ханс Йонас, Лео Штраус, Эмиль Факенхейм, – всех этих мыслителей объединяет реакция, в большей степени, негативная, на мысль М. Хайдеггера, и, однако, эта негативность даёт импульс для развития их собственных теорий. В данной работе автор ставит перед собой следующую задачу: изучить, какие идеи философии Мартина Хайдеггера оказали наиболее глубокое влияние на еврейскую философию; рассмотреть основные направления философской мысли, развивающиеся на основе идей последнего; оценить значимость мысли великого фрайбургца для еврейской философии XX века.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что с точки зрения автора, значимость критики как сомнения, установления пределов, опровержения не следует недооценивать, и посему такой «негативный» характер отношений между философией М. Хайдеггера и еврейской философией не должен быть препятствием для осмысления оных. Далее, под еврейской философией мы будем понимать такую философию, которая, помимо логических построений, включает в себя теологическую рефлексию и те-

ологические утверждения, артикулирующие иудейскую веру как своё основание. И Э. Левинас (1906-1995), и Х. Йонас (1903-1993) при обосновании собственных позиций опираются на ТаНаХ, однако, зачастую усиливают акцент на отдельных положениях, придавая им особую значимость. Кроме того, стоит отметить, что и Э. Левинас, и Х. Йонас, при изначальной восторженности философией Хайдеггера, испытали глубочайшее потрясение, когда последний принял ректорство, предложенное нацистами. Дальнейшее осмысление философской мысли М. Хайдеггера, главным образом, мысли периода «Бытия и времени» (1927), основывалось на вопросе: как стало возможным сочетание рассуждений М. Хайдеггера об аутентичности бытия и нацизма. Поэтому не представляется удивительным тот факт, что в центре еврейской постхайдеггеровской философии лежит понятие ответственности.

Основное обвинение, выдвигаемое Э. Левинасом и Х. Йонасом хайдеггеровской философии, заключается в том, что она оставляет человека без морального ориентира. Действительно, согласно М. Хайдеггеру, лишь философия является онтологической наукой, способной открыть подлинные основания бытия, все же остальные науки, в том числе и этика, являются лишь онтическими науками, и не основываются на подлинно экзистенциальном анализе присутствия¹. С точки зрения французского философа П. Рикёра такая позиция вполне последовательна: этика предполагает рефлексию, однако пребывание в открытости бытия, прислушивание к бытию есть область доэтического, поскольку «так обнаруживается бытие, которое ещё не является действующим и, в силу этого, избегает альтернативы подчинения и бунта»². Однако, эта логическая последовательность не решает другую проблему, более фундаментальную, нежели непризнание онтологического статуса за этикой, а именно, – проблему нигилизма. И Э. Левинас, и Х. Йонас видели в хайдеггеровской настроенности к отрицанию, в стремлении утверждения «ничто» наиболее глубокий изъян в мысли философа. При этом они пытались не столько разгромить эту мысль, сколько применить идеи М. Хайдеггера, которые оказывались полезными для переосмысления иудейской философии, в то же время, подвергая критике те моменты, которые казались им ведущими в экзистенциальный тупик.

¹ См. §5, s.16 в Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.

² Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. – С.600.

Для Эммануэля Левинаса, как, впрочем, и для многих других ярких философов современности, «Бытие и время» М. Хайдеггера стало одним из главных философских трудов. Тонкая аналитика настроений, переживаний, чувств, предпринятых М. Хайдеггером в работе, глубоко задела Э. Левинаса. Однако, поворот великого фрайбуржца к нацизму, поворот, который, как в своё время утверждал сам философ (например, во время встречи в Риме с Карлом Лёвитом), был заложен в самой его философии, глубоко поразил Э. Левинаса, который сам пробыл пять лет в заключении у фашистов, и семья которого пала жертвой Холокоста. Проблема индивидуального бытия, подлинности существования, со-бытия с другим и ответственности за другого для Э. Левинаса стали наиболее важными.

Философ критикует М. Хайдеггера за то, что фундаментальное отношение с бытием, по мнению последнего, заключается в том, что человек встречается со смертью. Смерть приоткрывает, что в основании человеческого существования лежит ни-что, и что человек стоит всегда один на один со своей жизнью и смертью. Хайдеггеровская позиция, полагает Э. Левинас, есть разновидность эгоизма. Индивидуальная автономия заключается в том, будет ли человек определён самим собой (что предполагает подлинное бытие), или же безличным *das Man* (неподлинное бытие). М. Хайдеггер, полагал Э. Левинас, является последователем западной философской традиции, поскольку онтологию движет желание подчинить бытие мышлению, так, чтобы то, что есть другого или чужого, могло бы быть понято, исходя из горизонта забот и возможностей человека. Такая позиция относительно западной философии позволяет Э. Левинасу противопоставлять два пути мышления – больший, берущий начало в Афинах, т. е. эгоизм онтологии с его стремлением к тотализации осмысления бытия, и меньший, берущий начало в Иерусалиме, которым следует редкий философ, и который Э. Левинас называет метафизикой.

Эгоистическому духу греческой онтологии и М. Хайдеггеру, как наиболее сильному представителю этого духа, Э. Левинас, в работе «Тотальность и бесконечное» (1961), противопоставляет метафизика, который этически ответственен за Другого, в сердце которого говорят божественные заповеди. Для того, чтобы преодолеть это эгоистическое стремление Афин, необходимо вспомнить об Иерусалиме, отдать должное пророческим воззваниям Торы, проявить заботу о ближних. В соответствии с одной из ключевых идей иудаизма, – идеей ответственности

каждого иудея друг за друга, – критерием качества человеческой жизни должна быть не аутентичность бытия, а то внимание, которое мы уделяем Другим; пусть даже нам кажется, что они совсем не имеют никакого значения для нашего собственного бытия. Следует, однако, отметить, что Э. Левинас не противопоставляет Иерусалим Афинам в контексте противопоставления веры разуму. Этическое откровение, изложенное в Торе, доступно каждому; для этого даже не обязательно обращаться к текстам еврейской традиции в целом, но лишь адекватно относиться к отношениям Я-Ты. Здесь Э. Левинас не противоречит иудейской традиции: не-иудей, соблюдающий десять заповедей, также является достойным человеком. Для Э. Левинаса феноменология оказалась подтверждением иудейской философии: суть встречи Я-Ты заключается в том, что Другой встречается со Мною. Лицо другого есть феномен, который свободен от напластований ролей, требований и нужд эго. Другой не есть просто alter ego, но фактически больше, чем Я. Человек больше ответственен за другого, чем за самого себя. Другой сталкивается со мной быстрее, нежели я с собой, поскольку мне, для наблюдения за собой, необходима рефлексия. Я – тот, к кому взывает Бог, я – тот, к кому он обратился с призывом о помощи, и я – тот, кого он счёл способным выполнить этот приказ. Э. Левинас соглашается с тем, что это этическое воззвание наилучшим образом воплощено в поведении Иисуса Христа, но для него Евангелие подчинено тому же этическому принципу, что и Тора. Метафизика фактически есть этика, поскольку Божественная сущность являет себя в опыте себя-для-другого. Важна не столько вера, сколько делание, поскольку делание есть уже акт веры.

Э. Левинас выделяет основные три черты иудейской идеи Бога: 1. Бог есть изначально Другой. Полагать, что Он может быть изображён в конкретном образе – значит, склоняться к идолатрии. Идея божественного воплощения чужда иудейской духовности, поскольку Бог изначально отделён от человека. 2. Не смотря на это отделение, Он всё равно присутствует, поскольку Его закон и воля открываются через лицо Другого, и для того, чтобы компенсировать Его отсутствие, Он дал людям Тору, и желает видеть их, прежде всего, ответственными за ближних своих и за свои действия. 3. Вопреки Хайдеггеровскому положению о том, что человек стоит в одиночестве перед лицом смерти, Э. Левинас утверждает, что человек, который живёт с Богом внутри, который живёт для других, тем самым превосходит свою жизнь и смерть. Философ признаёт, что еврейскому духу соответствует идея «жить и умереть за всех людей», одна-

ко он отрицает теологическое понятие транссубстантивации и евхаристии. Необходимо больше внимания уделять конкретным деяниям, а не только рассуждениям о вере.

В основании рассуждений Ханса Йонаса, одного из интереснейших философов современности, лежали не только исторические события, но и глубокие духовные переживания, интеллектуальные тревоги. Х. Йонас принадлежал к тому числу любящих истину, которые предполагали, что философия сама по себе способна воспитать глубоко моральную личность; что человек, занимающийся философией, способен распознать подлинное, равно как и уберечься от того, что противоречит благу и истине. Случай с М. Хайдеггером оказался для Х. Йонаса глубоким потрясением, демонстрацией того, что необходимо осмысление человеческого бытия не только с экзистенциальной, но и с этической точки зрения, и оба эти момента не должны быть разделены. Х. Йонас указывает на главную ошибку М. Хайдеггера: отсутствие в его фундаментальной онтологии Другого. Кроме того, есть и другой момент, тесно связанный уже с историей философии: между природой и человеком существует несоизмеримый разрыв. Х. Йонас утверждает, что некоторые положения классической этики более не актуальны, а именно: 1. Природа вещей и природа человека сущностно неизменны, и вмешательство человека в природу не может повлечь глубоких изменений. Природа существует как единое целое, её творения вечны, а изменения происходят лишь в соответствии с её законами. В противоположность созданиям природы, человеческие творения хрупки и ненадёжны; по отношению к ним нужно внимание, усилия и ответственность за результат. Кроме того, современные отношения между человеком и техникой, его возрастающая зависимость от неё, и, в то же время, его возрастающее господство над окружающим миром требуют переосмысления этического измерения отношений между природой и человеком. «Если в традиционной этике, этически значимая область была ограничена сферой общения между людьми, то новая этика предполагает ответственность человека за само существование природы и её целостность»³. 2. Предыдущая этика «мыслила» в рамках «здесь и сейчас», для неё ответственность была ограничена конкретным решением, условиями, ему предшествующими. Этическое решение всегда принималось заново, в соответствии с

³ Гаджикурбанова П.А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ханса Йонаса / Этическая мысль. – Вып.4. – М.: ИФ РАН, 2003. (<http://ethics.iph.ras.ru/em/em4/10.html>, 04.05.2010).

определённой ситуацией; не смотря на то, что критериями оценки этих решений было вечное благо, моральный закон и т. п. Этическая мысль направлена не к миру вещей, а за его пределы, что ведёт к её отвлечению от современных проблем. По мнению Х. Йонаса, гениальная интуиция М. Хайдеггера упустила элемент окружающего мира, феномен природы как то, с чем человек есть. Будучи наследником той самой традиции философской мысли, которую сам же и критиковал, М. Хайдеггер не оставляет никаких оснований для переосмысления отношений человека с природой, для заботы о будущих поколениях.

В иудаизме идея ответственности за будущие поколения является одной из важнейших, и предполагает ответственность не только за непосредственно людей, но и непосредственно за природу, живую и неживую. Х. Йонас полагает, что самые ближайшие и небольшие цели должны быть осмыслены с позиций их влияния, последствий в будущем. С определёнными оговорками позицию философа можно назвать экзистенциальной этикой будущего. Под этим подразумевается, что Х. Йонас, будучи подлинным учеником М. Хайдеггера и продолжателем экзистенциальной традиции мысли начала XX века, обращает внимание, прежде всего, на существование человека, на конкретные решения и действия, которые тот предпринимает; и, принимая во внимание уже свершившиеся изменения отношений человека с природой, с пространством и временем, переосмыслить традиционную этику; и, в частности, фундаментально переосмыслить понимание ответственности за принимаемые решения. Тезис Х. Йонаса о нравственном смысле понимания последствий принимаемых решений весьма напоминает тезис Ж.-П. Сартра о том, что каждый человек есть набросок самого себя, своего решения, и фундаментальная ответственность за принимаемое решение является неотъемлемой частью этого решения. Однако Х. Йонас заходит несколько дальше, нежели Ж.-П. Сартр, мыслит более глобально и открыто по отношению к миру. Для Х. Йонаса ответственность заключается не просто в принятии решения, осознания последствий, в определённом смысле соглашения с этими последствиями, их принятием, но в предупреждении действия, способного нанести вред. Упрочению власти человека над природой должен сопутствовать контроль над этой властью, и здесь, полагает Х. Йонас, необходимо воспользоваться «эвристикой страха». Фактически философ использует хайдеггеровский концепт экзистенциального ужаса (*die Angst*), выбивающий человека из привычного ему падения в обезличенность сущего; открывающий чело-

веку подлинно его основания, однако, как и в случае с принятием решения, переносит на более практическую почву, и предлагает использовать страх как отправную точку для осмысления решений и определения последствий. Иными словами, «страх за будущее человечества, страх перед возможным изменением сущности и облика человека становится главным ценностнообразующим принципом»⁴. Ещё Аристотель писал, что страх вызывает именно непосредственная близость того, что может навредить здесь и сейчас, а не в некотором отдалённом будущем, поэтому необходимо осознать, воспроизвести, проанализировать возможные негативные последствия, отсесть то, что способно угрожать благополучию человека в будущем, и воздействовать на его чувство самосохранения. При этом такое понимание страха способствует иному подходу к осмыслению смерти. Х. Йонас соглашается с позицией М. Хайдеггера относительно смерти – она всегда лишь моя, предельная возможность больше-не-быть, но в то же время, страх может предотвратить события, ведущие к смерти, и, кроме того, указывает на значимость жизни, на подлинные основания желания жить, пусть даже и осознавая смерть как наиболее последнюю, всегда неотъемлемо существующую возможность. Таким образом, именно бытие оказывается как источником ответственности, так и предметом ответственности. «Человечество должно существовать» – вот фундаментальный принцип мыслителя. Желание Х. Йонаса сохранить в гармонии отношения человека и природы ведёт его к провозглашению новой этики, основанной на ответственности за бытие человека и страхом перед небытием.

Подводя определённый итог нашему небольшому исследованию, можно сказать, что М. Хайдеггер повлиял на еврейскую философию двояким образом: с одной стороны, в полемике с ним рождались новые идеи, утверждались новые ориентиры; с другой стороны, его понятийный аппарат и внутреннее содержание его фундаментальной онтологии дали возможность иного понятийного выражения содержания священных иудейских текстов. И Э. Левинас, и Х. Йонас были глубоко потрясены не столько фактическим расхождением мысли и действия М. Хайдеггера, сколько тем, что его действия оказались вплетены в его мысль, что открыло им возможность обстоятельной критики, открывающей новые горизонты осмысления философского наследия в целом. Понятие ответ-

⁴ Гаджигурбанова П.А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса / Этическая мысль. – Вып.4. – М.: ИФ РАН, 2003. (<http://ethics.iph.ras.ru/em/em4/10.html>, 04.05.2010).

ственности становится ключевым как для Э. Левинаса, так и для Х. Йонаса; и легко заметить, что общий дух их рассуждений весьма схож и дополняет друг друга в разных областях мысли, что, по мнению автора, является следствием принадлежности двух философов, по крайней мере, к иудейским истокам. Обращение к традиции, содержащейся в древнееврейских текстах, переосмысление нашего бытия в мире, бытия, прежде всего, с другим, и нашей роли в этих отношениях с другим, позволило более созидательно осознать взаимосвязь человека с миром. Разумеется, философские рассуждения в духе иудаизма не могут претендовать на вероучительную значимость, однако, они призывают задуматься, осмыслить, оглянуться на тех и на то, что существует непосредственно рядом с человеком, в непосредственной с ним близости, что и будет фактически, в определённой мере, радостью встречи с Богом в себе.